

f u n k y b o o k s

ИВАН ЧЕКАЛОВ

**МЫ СГОРЕЛИ,
НОТР-ДАМ**

**МОСКВА
2020**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Ч-37

Чекалов, Иван Дмитриевич.

Ч-37 Мы сгорели, Нотр-Дам / Иван Чекалов. —
Москва : Эксмо, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-114044-1

Что общего у Льва Николаевича Толстого, маленькой французской иммигрантки, действующего президента России, известного художника-карикатуриста и самого Дьявола? Ответ неожиданный: собор Парижской Богоматери. Для кого-то символ веры, для кого-то вид с туристической открытки — Нотр-Дам для каждого свой. Именно поэтому, когда в апреле 2019 года там случился пожар, миллионы людей переживали это как личную трагедию и следили за гибелью собора в режиме реального времени. В дебютном романе Ивана Чекалова собор Парижской Богоматери служит точкой пересечения самых разных судеб. В нем соединились высокая трагедия и черный юмор, гротеск и ирония. Перед читателем — архитектурный роман: в нем каждый из героев — это часть собора. Кому-то достался шпиль, кому-то трансепт, а кому-то суждено взойти на алтарь.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-114044-1

© Чекалов И., текст, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

СОБОРНАЯ ПЛОЩАДЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сколько-то месяцев тому назад, отдыхая от московской беготни, автор этой книги побывал в Париже. Он пробыл там всего неделю — и многое успел. Успел подняться по лестницам Монмартра, оглядеть Париж с вершины Эйфелевой башни, послушать гитару там, где, как казалось, гитары оказаться не могло (в самых грязных и забытых переулках, в самых дешевых ресторанах, у входа в башню Монпарнас и у парковки рядом с этой башней).

За какую-то неделю автор, глядя во все глаза и держа ухо востро, осмотрел все, что ему хотелось осмотреть, и, довольный, кляня носом от усталости и недостатка сна, стал собираться домой. Уже вылетая, он вдруг понял, что не увидел главную французскую святыню, Нотр-Дам. Ладно бы не посетить Дом инвалидов — с этим можно смириться, с этим можно жить, — но

Нотр-Дам! Впрочем, вскоре автор пришел к выводу, что не посетил сейчас — посетит потом, не велика, в конце концов, беда. И так же, как из его головы выветрились Лувр, Мулен Руж и Пер-Лашез, исчезла всякая мысль о Соборе.

Спустя три дня загорелся Собор Парижской Богоматери.

Этот пожар и породил настоящую книгу.

Октябрь 2019

ШПИЛЬ

МОЕМУ ДОРОГОМУ БРАТУ ЖАНУ

*15 апреля,
Нотр-Дам
Моему дорогомому брату Жану*

Не знаю, где ты сейчас. Письмо шлю по адресу, который мне тут дали. Анси, улица Со-мейе, дом семь. Чего ты там делаешь? Я думал, ты в Париже еще, а тут мне сказали, что ты теперь в Анси. Анси. Это где вообще?

А я в Париже. Ты уехал в Париж четыре года назад, и все только и говорили четыре года, что Жан уехал. Жан уехал! Мне тоже захотелось в Париж. Все говорили: «Поль, куда ты поедешь, у тебя же тут Анна твоя!» И смеялись. Но я с Анной поговорил. Пришел к ней, посидели, она все поняла. У нее такие красивые ступени. Ну ты знаешь. А крыша у нее поехала, это да. Вот был бы ты дома, поправил бы. Кстати, что

П
3
7

ты там строишь? Опять свои библиотеки? Не знаю, кто столько книжек может прочитать. Ну вот только ты и можешь, наверное.

Мне, когда ты уехал, совсем стало сложно. Тебе-то хорошо, ты умный, а я что? Мне же много не надо — я только к Анне приходил, и все. С тобой мы помнишь как? Ходили вместе, и ты, такой гордый, голову свою кудрявую поднимал, и я тоже как будто поднимал. Ты еще ждал меня на скамейке, когда я Анну подкрашивал, ей это нравилось, помнишь? А потом рассказывал мне, как у нее что называется, части тела ее. Колонны там, фронтон луковый, карниз. Помнишь? Я помню. А когда ты уехал, меня гнать стали. Я к Анне ходил, как обычно. Ну сидел там, обнимал иногда, ты знаешь. Кто-то ходит мимо, а мне все равно. Я на них не гляжу даже. А как-то раз там дети оказались, увидели меня. Плеваться стали, рожу мне корчить. Камнями кидались. И стали меня тогда гнать. Все вообще, не только дети. Я по ночам стал выходить, а они собаку выпустили, злую такую. Ну я все равно как-то выбирался. Долго так было. А потом смотрю — и люди, кто видят меня, даже не плюются уже, а отворачиваются просто. Очень обидно было. Даже собака гавкать перестала. Была бы мама жива, она бы погнала их всех. Помнишь, как мама на

Моро кричала, когда мы маленькие были? Очень громко. А Анна бы ей понравилась. Только крыша у нее поехала, га.

А в Париже я тут работаю на стройке. Вместе с Жюли. Она давно живет в Париже. Хорошая. Ноги у нее, как доски в заборе. Очень большие и коричневые. Помнишь, у нас за рощей был такой дом? С забором. Мы стучали по этому забору, помнишь, а потом выходил этот жуткий черный Моро и кричал: «Опять эти дети! Надо их убить, этих детей!» Вот Жюли, когда отворачивается, очень на забор этот похожа. Ногами.

На стройке не только Жюли. Жюли подруга. А работаем мы с Н. Наг Н. Вместе с Н. Н удивительная, Жан, я таких, как Н, еще не встречал. Она удивительная. Ни на кого не похожа. Я помню, как ты мне показывал ее фотографии, давно. Мне тогда неинтересно совсем было, но это же совсем другое! Она когда перед глазами, такая большая, красивая, удивительная, невероятная! Ее плечи поднимаются так высоко надо всем, как будто, кроме них, и нет ничего. Такие бледные плечи. Жалко, я говорить не умею. Ты бы так про нее сказал красиво, наверное! А глаза у нее, как какие-то чудесные цветы, такие красивые и такие глубокие. Я когда приехал только в Париж, думал, что буду спать

где-нибудь на скамейках, пока денег не найду, а теперь я рядом с Н сплю, каждый день. Жюли смеется надо мной и говорит: «Поль, какой ты смешной, приходи ко мне, ты можешь поспать у меня!» Но она по-доброму смеется. Жюли добрая. А когда не совсем еще вечер, когда солнце опускается, все уходит, Жюли уходит, другие рабочие уходят, и только мы с Н остаемся. На нее так красиво падает тень, что кажется, будто она горит. А если встать прямо за ней, особенно когда не совсем еще вечер, то как будто только ты и есть вместе с Н. А больше нет никого.

Н меня тоже любит. Когда жарко, рядом с ней прохладно становится, а когда холодно, можно совсем к ней прижаться — и становится тепло. Н удивительная. Я сначала в Париже вообще ни на что не смотрел, только на нее. И хочется все-все запомнить, части тела, как ты рассказывал, помнишь? И я запомнил. Лучше всех на стройке теперь, никто лучше меня Н не знает. Неделя назад я сидел с ней ночью, прижался так и тихо сказал: «Я тебя люблю». Так сердце у меня стучало, как будто землетрясение какое. Или собака гавкает так, очень громко. Никогда еще так не стучало. Смотрю на Н, грожу, а на нее луна падает. Вся Н побелела, представляешь? И тогда я понял

сразу, что она меня тоже любит. Так хорошо, Жан, так хорошо! Ты даже не представляешь.

Но мы тут не одни. Сначала мне было все равно, а потом я из-за этого стал злиться. Каждый день на Н таращатся. Приходят и смотрят, смотрят, фотографируют, опять смотрят. И еще так закрывают глаза, будто что-то понимают. Да ничего они не понимают! А есть совсем ужасные. Они другим рассказывают. Показывают, например, на ее плечи, на ее удивительные, невероятные, прекрасные, чудесные плечи и чепуху какую-то говорят про них. А остальные кивают, будто понимают. Не понимаете! Ничего не понимаете! Они все дураки, Жан, глупые, злые дураки. Они ее совсем не понимают, из-за них она не всегда со мной. Она всегда не только со мной, она всегда всех любит! За что их любить, Жан? Они же дураки! Они с ней не целиком, у них есть еще книги, картины, у них еще что-то есть, Жан! Еще что-то, кроме нее! А у меня ничего больше нет, мне ничего больше не нужно! Когда я засыпаю, я вижу во сне Н вместо окон, вместо облаков, вместо травы. Я люблю ее, Жан!

Жюли сегодня спросила меня, а как там твой дорогой брат Жан? А я ответил: не знаю, Жюли, он не писал мне уже два месяца, как я могу знать. Мне тебя не хватает, Жан.

Ты бы мне что-то посоветовал. Я сижу тут, уже почти вечер, Жюли отошла покурить. Она взяла спичку, а коробок оставила здесь, у шпиль, в лесах. Шпиль очень красиво светится на солнце, как будто горит. И вокруг так много людей... И все смотрят на нее, глаза так выпучили, помнишь, когда я Анну целовал, они так же смотрели? Бедная Н. Она просто не видит. Надо ей помочь. Они глупые, злые, они так много всего видели, что больше не видят ничего. А я вижу. Все, хватит ждуть. Не то они будут пляшутся завтра, и послезавтра, и послепослезавтра. От меня отворачиваются, а от нее не могут. И солнце так красиво падает. В последний раз касаюсь тебя, Н. Больше к тебе никто не прикоснется. Они поймут. Они увидят. Я люблю тебя, Н. Пока, Жан. Прости, что опять про дома. Я больше не буду.

ПОРТАЛ

JE SUIS¹

Любой город начинает жить с утра. Москва уже в восемь часов спускается на эскалаторе в метро — нахмуренная, вечно чем-то недовольная; пунктуальный Лондон просыпается к шести (потом, правда, весь день спит на ходу); Нью-Йорк, после короткой передышки на ночь и разбавленного кофе, к семи часам снова горит всеми своими окнами — как будто и не спал. И то же самое Берлин — тот город строгий, лишний сон себе не позволяет. И то же с Прагой, Токио, Мадридом... Только Париж устроен по-другому. Так сразу не поймешь, что наступило утро. Разве что свет — до того белый, лунный — синеет понемногу. И тени появляются — длинные, прямые.

¹ Я есть (фр.).

Париж живет по вечерам. Когда солнце прячется за краем неба, а Елисейские Поля — за Триумфальной аркой, когда начинают петь клешары и зажигают фонари, на улицы Парижа высыпают люди: с кем-то или сами по себе; выгуливающие, может быть, собак; держащие в руках портфели, сумки и корзины. Вечером все светофоры, словно сговорившись, светятся зеленым, опавшие листья бегают наперегонки. Деревья шуршат — ветки касаются друг друга, кроны кивают девушкам. Около ресторанов мяукают кошки. А луну видно всю ночь — даже сквозь облака.

Пятнадцатого апреля в доме 10 по улице Азиль Попенкур проходила вечерняя летучка. Редакция газеты *Nicolas periodiques*¹ придумывала новый номер. Холодный воздух заползал сквозь приоткрытое окно в уютный светлый кабинет, почти целиком занятый широким письменным столом. В дальнем углу на стене висели отобранные карикатуры на обложку, рядом, за распахнутой дверью, виднелся темный коридор. Слышался скрип маркеров, карикатуристы изредка поднимали головы от рисунков и перебрасывались парой слов. Из

¹ Периодика Николя (фр.).

пяти человек, работавших в редакции, курили двое — карикатурист Филипп и колумнистка Нина. За неимением пепельниц пользовались забракowanными карикатурами. Пепел лежал на хитро подмигивавшем кому-то президенте Франции, на желтом спасательном жилете, на красном дуле игрушечного пистолета... В окно подул ветер, пепел разлетелся по редакции. Главный редактор, Жорж Пьер, бледный скелет в круглых очках, чихнул. В знак солидарности молодая колумнистка Адель тоже чихнула — только тихо, отвернувшись. Жорж Пьер благодарно посмотрел на нее и, встав с кресла, гаркнул:

— Это невозможно! Филипп, Нина, не курите в здании. Дышать уже нечем от ваших сигарет.

— Ты закупи пепельниц лучше на редакцию. — Филипп, пожилой рыжий мужчина, с глубокой морщиной посередине лба и россыпью мелких на всем лице, затаился и уныло посмотрел на Жоржа Пьера. — Не ущемляй права курящих.

Снова замолчали. Жорж Пьер покрутил головой, словно что-то забыл, и, наткнувшись глазами на Адель, улыбнулся:

— Ладно уж. Курящих... Сдаем послезавтра, а не готово ни черта. Нина!